

Виктор Хорошулин

ТОМ, СОЛО И ФИЛ

Повесть-сказка

Глава 1. Морской бой вблизи рифа Зубы Дракона

Капитан Грот посмотрел в подзорную трубу.

— Проклятье! — воскликнул он. — Испанец и француз приближаются! Они собираются взять нас в клещи! Вильям! — обратился он к старшему помощнику. — Прикажи прибавить парусов, мы сейчас постараемся славировать так, чтобы противник оказался между нами и островом! Право руля!!!

Слева, милях¹ в двух от пиратского корабля «Тритон», которым командовал капитан Джеймс Грот, виднелась зелёная «шапка» острова Об Лонг, где экипаж тридцатипушечного фрегата собирался запастись свежей водой и пополнить съестные припасы. Они проделали нелёгкий путь от самой Флориды, миновали Карибские острова, где попали в нештучный шторм, затем двое суток гнались за

---

¹ морская миля — 1852 м, сухопутная — 1609 м

испанским «купчишкой», но тот оказался на удивление проворным, и в прошлую ночь сумел-таки оторваться от грозного пирата. На рассвете Джеймс Грот сыпал проклятья, он был уверен, что купеческий корабль увёз от него богатейший куш. Капитан влил в себя полбочонка рома и, перед тем, как впасть в забытие, приказал возвращаться в воды, где курсируют торговые суда испанцев и французов, в надежде отыскать новую цель. Но вот, ближе к вечеру, на горизонте показались отнюдь не мирные торговые корабли, а два заклятых врага пирата — испанский галеон «Тантенсьон» под командованием Мигеля Саладо по прозвищу Морской Вампир, а также французский «Миньон», командир которого, Франсуа Педан, более известный под именем Гнусная Каракатица, давно мечтал свести счёты с ненавистным англичанином.

— Капитан, ветер крепчает! — воскликнул старпом.

— К чертям ветер! Ты видишь, Вилли, эти обормоты ничего не соображают! Гром и молния! Когда они поймут мой маневр, то уже сами окажутся в ловушке! Готовьте орудия с левого борта! Ты слышишь меня, бравый канонир Том Грей?

— Слышу, капитан! — раздался дребезжащий голос из крюйт-камеры². — Орудия заряжены. Мы готовы вспороть брюхо неприятелю, как только приблизимся к нему хотя бы на пару кабельтовых³!

— Но там подводные камни, сэр! Это и есть известный риф Зубы Дракона! Наши враги боятся сами маневрировать, чтобы не налететь на него! Они мешают друг другу!

— Так это прекрасно, клянусь чертями преисподней! Если они налетят на подводные скалы, это будет самое красивое зрелище!

Жилы на мощной шее капитана вздулись, напоминая судовой канат брага⁴. Из-под косматых бровей Грота блеснула молния.

— Добавить парусов! Опустить блинда-фал!⁵
Идём в полный бейдевинд⁶!

---

² помещение на военном корабле, предназначенное для хранения пороха (как бочек с порохом, так и готовых к стрельбе пороховых зарядов) и сигнальных ракет

³ кабельтов — десятая часть морской мили — 185,2 м.

⁴ стальной или пеньковый канат, опоясывающий все судно и укрепляемый с бортов, служит для буксировки судов со слабым продольным креплением

⁵ снасть, с помощью которой поднимался парус блинд.

Ветер, между тем, усиливался. Волны подбрасывали «Тритон», как ореховую скорлупку. Два вражеских корабля то скрывались за тёмно-зелёными громадами волн, то возникали вновь. Джеймс Грот не опускал подзорную трубу из правой руки. Левой он поглаживал серого кота, сидевшего у него на плече.

— Держись, дружище Том, — ласково сказал пират своему пушистому приятелю. — Печень Гнусной Каракатицы я скормлю лично тебе...

Свежий морской ветер ерошил шерсть Тома, залезал ему в ноздри. Кот жмурился от удовольствия. Его когти вцепились в кафтан старого пирата, а поднятый хвост касался полей шляпы грозного Джеймса Грота. Кстати, тот носил прозвище Акуля Пасть, и всеми силами старался ей соответствовать.

— Опасно, — капитан! — прокричал Вилли. — Прикажете убавить парусов, ветер крепчает! Боюсь, начинается шторм!

Парус расположен под бушпритом — выдающейся вперёд носовой частью корабля

⁶ В морском деле: положение, которое имеет судно относительно ветра. Идти в бейдевинд — лавировать, идти накось.

— Нельзя убавлять, потеряем время! Эти ослы уже догадались, что я задумал. Им нельзя дать шанс на перегруппировку!

— Нас тоже несёт прямо на риф!

— Право руля! Ещё немного! Стоит рискнуть! Кто не рискует, тот не пьёт свежую кровь! Ты согласен со мной, Том?

Кот что-то мяукнул в ответ. Но капитан вряд ли его понял досконально — кошачьего языка он не знал, да и голова после вчерашнего общения с ромом буквально раскалывалась на части.

30-пушечный испанский галеон, под командованием Мигеля Саладо, пытался сделать поворот оверштаг ⁷. Капитан понимал, что находится в опасной близости от рифа Зубы Дракона — подводных скал, на счету которых было бесчисленное множество погибших кораблей. При подобном манёвре порывистый ветер грозил своим внезапным дуновением наполнить раскрытые объятия парусов, что могло привести к поломке такелажа, как не раз уже случалось в подобных ситуациях. Ветер усиливался, волна росла, и задача быстрого разворота становилась всё более трудно

---

⁷ поворот судна или шлюпки, идущих под парусами, против ветра

выполнимой. Между тем, его противник, капитан Акуля Пасть, стремился как можно скорее занять более выгодную позицию и открыть оттуда огонь. Два мощных галеона, испанский и французский, в этом положении оставались чрезвычайно уязвимы.

Морской Вампир оскалил хищную пасть.

— Лево руля! — скомандовал он. — Шевелитесь, проклятые бестии, пока я с вас шкуру не спустил!

Матросы, словно обезьяны, ловко сновали по вантам, лезли на реи и разворачивали паруса.

— Карамба! Проклятый ветер! — процедил сквозь зубы Саладо. — Только шторма нам не хватало...

Корабль англичанина приблизился настолько, что Мигель в подзорную трубу ясно различал Джеймса Грота, его лысую, тщательно выбритую голову с красным платком, длинный нос и выпяченную вперёд нижнюю губу. Старый пират тоже не выпускал подзорную трубу из рук и отдавал подчинённым отрывистые команды. Огромный кот, сидевший на его плече, зорко поглядывал по сторонам и хищно скалил зубы.

Мигель потрепал холку сидящего у его ног пса, огромного чёрного дога по имени Соло, и произнёс:

— Поймаю живым Акулю пасть, тебе, дружище Соло, доверю разорвать ему глотку! — На

это предложение пёс понятиливо кивнул головой. — А его кота просто сожри! — Тут дог изобразил жизнерадостную улыбку, оскалив пасть с крупными белыми зубами.

Мигель полез в карман за курительной трубкой, достал её и принялся набивать табаком. В отличие от лысого, долговязого англичанина, испанский пират выглядел более угрожающе — чёрная копна волос, блестящей гривой ниспадающая на плечи, густая борода, часть которой расположилась на выпирающем вперёд животе, толстые щёки и узкие щели глаз, в которых поочередно сверкали то хитрость, то злоба. На голове испанского корсара сидела чёрная треугольная шляпа с вышитым белыми нитками черепом.

Мигель ощерился в нехорошей улыбке, обнажая жёлтые зубы, среди которых более заметными были большие, острые клыки. Возможно, именно из-за них Саладо и получил грозное прозвище Морской Вампир.

— Ишь, что задумал, проклятый англичанин, — пробормотал капитан французского галеона Франсуа Педан по прозвищу Гнусная Каракатица, наблюдая за манёвром «Тритона». — Видно, вчера изрядно подкрепился ромом, старый пьяница...

— Гр-ром и молния! — закричал сидящий на плече пирата жёлто-зелёно-красный попугай ара по кличке Филипп. — Р-разделаем в пух и пр-р-рах!

— Непременно, дружище Фил. Если Акулья Пасть попадётся мне в руки, я позволю тебе выклевывать ему глаза.

— Пр-р-ректасно! — тут же ответил кровожадный попугай.

Самого французского капитана описать довольно трудно — лицо его было скрыто маской, какие обычно надевают палачи — чёрный колпак с прорезями для глаз, нижние края которого опускаются на плечи. Красный кафтан, подпоясанный дорогим шёлковым поясом, за который заткнут мушкет, на боку — абордажная сабля. На ногах, как у всех знатных пиратов — высокие ботфорты.

Маску Франсуа Педан обычно надевал перед боем.

— А ведь хитро задумал, дьявол, — в словах Каракатицы мелькнуло то ли уважение к противнику, то ли злоба. — А эта обезьяна Саладо, едва не налетев на рифы, теперь пытается развернуться, перекрывая и мне путь! Клянусь акульими потрохами, было бы хорошо, если б обе эти мартышки в ботфортах перерезали себе глотки... Клянусь всеми чертями преисподней, я бы на месте Акульей Пасти именно сейчас и начал бы

атаку! Правда, при такой волне канонир должен быть весьма искусен...

В этот момент левый борт «Тритона» скрылся под клубами сизого дыма. Через несколько мгновений до ушей Каракатицы донёлся грохот орудий.

Канонир у Грота оказался очень расчётлив. Залп из орудий нанёс весомый ущерб как «Миньону», так и на «Тантенсьону»: ядра смели с верхней палубы несколько человек, значительно повредили рангоут. Фор-стеняга, срубленная ядром, рухнула на палубу, накрыв собой двоих матросов. Два или три ядра вонзились в левый борт «Миньона». Взрыв от них потряс могучий корабль.

— Кр-расота! — воскликнул довольный попугай.

— Огонь! — крикнул Гнусная Каракатица. — Залп с левого борта!

Краем глаза он заметил, что на юте ⁸ «Тантенсьона» занялось пламя.

Орудия двух галеонов ответили на залп «Тритона», хотя и не так дружно и мощно. Сказались разрушения, причинённые атакой англичанина. Но, когда рассеялся пороховой дым, Каракатица с удовлетворением отметил, что им

---

⁸ задняя часть корабля

удалось «обрубить» бушприт на корабле Акульей Пасти. Упал парус-блинд, обвисли продырявленные кливера... Штормовой ветер гнал потерявший управление «Тритон» прямо к рифам и навстречу своим заклятым врагам. Стрелки с английского фрегата открыли огонь из мушкетонов, из бойниц кормовой надстройки.

Засвистела картечь. Отлетевшей щепкой от грот-мачты поранило лоб капитану Саладо. Его лицо тут же залило кровью. Но brave пират не обращал на это внимание — он курил трубку и беседовал со своим псом.

— Ты видишь, мой Соло, Акулю Пасть несёт прямо на нас?... Эй, черти! — крикнул он суесящимся возле пушек канонирам. — Отвечайте на огонь! Или вы хотите, чтобы вас перестреляли, как куропаток?

— Капитан! — подбежал к Каракатице боцман. — Корпус корабля дал течь!

— Чёрт бы побрал проклятого англичанина! — вскричал Педан. — Помпу уже притащили? Откачку воды начали?

— Начали, капитан. Но это не поможет... Боюсь, мы скоро пойдём ко дну...

— Можно посадить «Миньон» на мель и позже починить ему брюхо, — задумчиво произнёс Каракатица. — Как думаешь, долго ли мы продержимся на плаву?

— Не более часа, мсье.

— Проклятье! Продолжайте откачку! А где старпом?

— Убит. Полкоманды убиты и ранены, мсье... Так что, будем пытаться выброситься на отмель?

— Подожди немного. К нам в гости идёт сам Акуля Пасть. Сначала перережем ему глотку, а затем уж позаботимся о себе... Дружище Филипп! Ты долгие годы был мне верным помощником и хорошим приятелем. Если доберёшься до острова, ещё долго будешь жить без забот... Лети же, и впредь сам заботься о своих перьях! — капитан подбросил птицу вверх, в тёмное о дыма небо. Её тут же подхватил поток ветра.

Огонь, захвативший ют «Тантенсьона», грозил перекинуться на центральную часть корабля. В воздухе было темно от копоти, летали огненные искры. Соло закашлялся — удушливый дым, подгоняемый ветром, попал ему в ноздри.

— Тебе плохо, мой верный пёс? — Морской Вампир потрепал дога за ухом. — Боюсь, что будет ещё хуже. Если бы не шторм, мы бы спокойно взяли Акулю Пасть в клещи и раздавили б! Тем более, он сам идёт к нам в лапы!...

Тяжёлая волна с грохотом разбилась о левый борт судна.

— Капитан! Пора спасти свои шкуры! — раздался чей-то крик со стороны бака.

— Карамба! Спускайте шлюпки с правого борта! Кто решится отправиться в плавание в такую волну? Готовьте десант и абордажную команду на «Тритон»! Мы захватим его!

Англичанин дал ещё залп по двум неприятельским галеонам. Ядро сшибло фок-мачту с «Тантенсона», которая упала на палубу, поднимая сноп искр. Тут же её охватило пламя.

— Ты ответишь за гибель моего корабля, проклятый Акуля Пасть! — прошипел Морской Вампир, хватаясь за саблю.

Но что «Миньон»? Галеон набрал много воды, стал неповоротлив, одна за другой, волны постоянно накрывали его. Он тоже опасно сблизился с горящим «Тантенсоном» и грозил затонуть в ближайшие, даже не часы, а минуты!

— Ага, забегали, крысы! — злорадствовал капитан Грот. — Будете знать, как нападать на славного пирата Акулю Пасть!

Кот цепко держался на его плече, щекоча усами щеку пирата.

— Сейчас ты увидишь, мой славный Том, как один недруг Джеймса Грота сгорит, а другой утонет! И так будет со всяким, кто осмелится встать на его пути!... А потом мы зайдём в укромную бухточку, здесь, на острове, есть такая, и будем ремонтировать корабль... Если, конечно, дьявол не разобьёт нас о скалы!

— Капитан, нас несёт прямо на «Тантенсьон»!
Судно не слушается руля!

Палуба качалась под ногами капитана Грота. Волны обрушивались на деревянный настил, брызги сыпались на лицо старого пирата. Моряк не замечал всего этого, его внимание было приковано к объятому пламенем испанскому галеону. Кот на плече Акульей Пасти стойко переносил непогоду и буйство стихии.

Волны и ветер сделали своё дело. Три корабля, покачиваясь на крутых волнах, оказались в опасной близости друг от друга. Обречённый «Миньон» уже готовился затонуть, команда спешно покидала корабль, садясь с его подветренной стороны в шлюпки. Правда, это было слабое укрытие: волны грозили разбить шлюпки о борт не одного, так другого судна. Да и добраться до острова при таком волнении было почти невозможно. И всё-таки люди пытались спастись.

— Проклятье! — вдруг воскликнул капитан Грот. — Сейчас огонь доберётся до пороховых погребов! И тогда нам всем...

Мощнейший взрыв потряс испанский галеон, в зареве огня оказались «Миньон» и «Тритон». Три корабля разлетелись в щепки, огромной силы взрывная волна разбросала всё живое и неживое, находящееся на этих судах, далеко за пределы морского сражения...

Глава 2. Трое на острове

«Где я? Жив ли я?... Если соображаю, значит, голова при мне... А что ещё положено к голове?... Чья это лапа?... Запах, вроде, знакомый... А если её лизнуть?... Ура! Моя! Чувствует мой шершавый язычок! Значит, одна лапка у меня точно есть!... Одна голова и лапа к ней — это, конечно, неплохо, но, по-моему, маловато... Чего-то не хватает...»

Свежесть, приятная прохлада, звонкий щебет птиц, крики других животных, доносящиеся откуда-то издалека... В этот гомон тихо вплетаются звуки прибоя. Море совсем рядом... Море?!

«Был ужасный взрыв... Меня подбросило высоко в воздух, я несколько раз перекувыркнулся. Но упал, как всегда, на лапы... Упал в море..., огромное, страшное, холодное, бр-р-р... Тысяча чертей... Как вспомню, так в дрожь бросает... Но я не растерялся, а поплыл... Волны, гигантские, пахнущие водорослями, солью и глубиной... Одна из них понесла меня к острову и выбросила на берег... Так, а что было дальше? Если одна волна выбросила на берег, то другая вполне могла бы подхватить меня и унести обратно в море... Значит, я пополз вглубь острова... Но, тогда у меня должны быть не одна, а две лапы... и ещё, как минимум, две, клянусь саблей Акульей Пасти!...»

Крики чаек... Кто-то из них заметил в море косяк мелкой рыбы. Тотчас начался переполох. Голодные крылатые охотники помчались за добычей.

«Попробую пошевелиться... Гром и молния! Страшно, вдруг я полностью разбит и растерзан... Нет, что-то от меня осталось! Ещё одна лапа! И ещё!...»

Вскоре Том ощутил себя спасённым и даже относительно целым. Он вскочил на лапы. Кружилась голова, побаливали рёбра, прихрамывала задняя левая. А так — вполне сносно! Глаза, уши, нос, брюхо, лапы и хвост — полный набор удовольствий! Кот сделал несколько шагов в сторону моря. Лапы держат, хвост шевелится... Он жив! Он уцелел в этой ужасной катастрофе! Мяу-мяу, как хорошо! Интересно, кто-нибудь ещё спасся? Придётся ли ему делить этот остров ещё с кем-нибудь?

Мурлыкая про себя старую пиратскую песенку про мушкет, золотые монеты и бочонок рома, которую частенько слышал от моряков «Тритона», кот отправился исследовать остров, на который его забросила заботливая матушка-судьба. Судя по всему, тут бегало множество животных, то есть, было на кого поохотиться и, пожалуй, найдутся те, которых следует остерегаться. Птицы голосили над головой, крысы и ящерицы

копошились в кустах, а на слизняков, лягушек и разных мелких букашек чудом спасшийся мореход внимания не обращал.

Через некоторое время Том обнаружил родник. Сначала он услышал его весёлое журчание, затем, подойдя поближе, увидел тонкий ручеёк, вытекающий из-под покрытого зелёным мхом камня. «Как кстати» — подумал помощник грозного капитана и от души напился холодной воды. Ручей тёк дальше, постепенно расширяясь, он выходил из леса и направлялся к морю. На берег кот поостерёгся выходить. Того и гляди, сверху упадёт пернатый хищник, не успеешь оглянуться, как окажешься в его когтях. Здесь, в гуще кустов, лиан, ветвей и листьев тоже нужно держать ухо остро, но тут куда безопаснее, чем на открытом месте. Иногда Том высовывал свою мордочку, осматривая береговую линию, на которую с шумом набегали морские волны. Ничего интересного там не было. Песчаный участок сменился каменистым, который неуклонно поднимался. Потом спасённый пират прилёг на мягкий мох под деревом и стал думать о том, что ему делать дальше. С прошлой жизнью покончено: уютная капитанская каюта, где он привык лежать на коврике, пахнущий мышами и крысами трюм, влажная, качающаяся палуба, приветливый камбуз, где ему всегда перепал кусочек чего-нибудь вкусного..., всего этого уже не

вернуть. Как и капитана Грота, считавшегося хозяином Тому, как и всей команды славного «Тритона», весёлой, работающей, драчливой и бесшабашной, бывающей частенько злой и пьяной... Кот зевнул. Он не знал другого дома, кроме «Тритона». Ну, что же, теперь его домом станет этот остров. По крайней мере, он никогда не затонет и не взлетит на воздух. А уж поймать мышку или птичку, на худой конец — выловить рыбку из моря молодой кот всегда сумеет. С голода не пропадёт!

Нас море зовёт в лихой поход,
Нам всё нипочём, коль в запасе ром!...

Эту песню любил напевать капитан Акуля Пасть, когда у него было хорошее настроение. А это случалось в двух случаях: после удачного налёта на мирное судно и после значительного уменьшения запасов этого самого рома.

Том прислушался. Слух у него был что надо — не пропустит ни малейшего шороха. Только птичий галдёж мешал сосредоточиться. Сверху попугаи затеяли очередную свару.

— Лети отсюда, ты не из нашей стаи! — грозно кричал кому-то один из них.

— Ты чужак! Чужак! А мы чужаков не терпим! — вторил ему другой.

— И не смей клевать ягоды с наших деревьев!
— заявлял третий.

— И не вздумай заглядываться на наших дам!
— кипел злобой четвёртый.

Том прилёг, закрыл глаза и продолжал слушать, заодно прикидывая, каковы попугаи на вкус.

— Так вы встречаете гостей, — увещевал злобных птиц чей-то строгий голос. — Ваше счастье, что вас тут целая стая, а то я бы научил вас вежливости! У нас, на пиратском корабле, таких невоспитанных птиц запросто не рее вешали..., — он сделал паузу. — Предварительно полностью ошипав... Кстати. У вас не найдётся трубки и табака? Я приучился курить, как мой бывший хозяин, капитан Педан, гроза морей, хозяин мощного «Миньона». И пить ром. У вас не найдётся бочонка рома, любезные птички?

Кот встрепелся. Пират? «Миньон»? Похоже, не он один спасся в этой ужасной катастрофе! Но, значит, спасённый попугай — с французского корабля? Враг?

Местные попугаи притихли. Чем-то речь незнакомца впечатлила их.

— Вот вы тут ягодки клюёте, переживаете, кто бы не склюнул лишнюю у вас из-под носа... А знаете ли, что я привык к жареной свинине, зёрнам кофе, маиса, гороха и португальской мадере?...

Жаль, сабля моя утонула, а то я бы сейчас зарубил бы кабанчика, да зажарил здесь же, на морском берегу... Я, дороге мои сородичи, долгое время жил среди людей..., настоящих пиратов. Поэтому многому научился у них, у меня завелись собственные привычки, от которых я отступать не намерен!... Так что..., позвольте мне поклевать немного ягод, а я вам заплачу. У меня на корабле хранится целый сундук с золотыми дублонами⁹!

— Среди людей..., — слышались озадаченные птичьи голоса.

— Настоящий пират...

— Конечно, поклюй немного...

— Только тебе всё равно придётся убраться отсюда. Нам пираты не нужны! И чужаки тоже!

— Да я и не настаиваю! Се ля ви, как говорил мой грозный капитан... Я привык к компании джентльменов удачи, почтенные птички, к морским походам и запаху пороха, клянусь внутренностями кашалота! Как только поблизости забелеют паруса пиратского галеона, я покину вас! Звон золотых луидоров и грохот выстрелов мне больше по душе, чем любовные песни переевших незрелых ягод местных кавалеров! Адью! Ву а ля!

---

⁹ испанская золотая монета

— Но ведь это опасно? — воскликнул кто-то из местных попугаев.

— Силь ву пле¹⁰? Конечно опасно! Только настоящий попугай — это всегда отважный искатель приключений! Искатель золота, жемчуга, сражений! Шерше ля фам!¹¹... Вы понимаете меня, птички? Это я немного по-французски балуюсь... Нужный язык! Иному в голову чего только не вдалбливаешь — ничего не понимает! А скажешь только: «Хенде хох!»¹² и всё — сразу понимает!

— Какой умный попугай! — воскликнул кто-то из лесной чащи.

— Да уж, — скромно подтвердил французский пират. — Много чего повидал я на белом свете...

— Твой капитан Педан давно уже кормит рыб, — наконец не выдержал Том. — Как тебе удалось спастись, глупая хвастливая курица?

Сверху захлопали крылья. Птица слетела с верхних веток и уселась вблизи от кота.

---

¹⁰ если вам угодно (фр.)

¹¹ ищите женщину (фр.)

¹² ищите женщину (фр.)

— Кто здесь? — попугай настороженно осматривал убежище Тома. — Клянусь саблей капитана Педана, сейчас ты ответишь за оскорбление!

— Я. Кот по имени Том. Любимый кот капитана Грота, спаси господи его душу... Тоже чудом уцелел в этой страшной мясорубке...

— А-а, английская собака! Это же вы подожгли испанский корабль! Из-за вас погибло столько отважных моряков! Клянусь плавниками акулы, ты дорого заплатишь за это!

Любопытные попугаи тоже слетелись вниз, с интересом прислушиваясь к перепалке, грозящей вылиться в новое, на сей раз, лесное, сражение.

— Пардон, не собака, а кот! А я думал, что ты уже понял, что с нами опасно связываться. Вас было двое против одного, и что? Мой капитан обвёл вас вокруг пальца, а я ему в этом помогал!

— Так ты — тот самый мерзкий кот, который сидел у него на плече? Сейчас я из тебя выпущу кишки, клянусь Пресвятой Девой и всеми её родственниками!

Жёлтые глаза английского пирата моментально обзрели ближайшее пространство. Но, за пустыми угрозами французского попугая не было заметно ничего, вызывающего опасения.

— Как тебя зовут, пернатое чудовище?

— Какое я тебе чудовище, проклятый англичанин! Сейчас я изрублю тебя на куски!

— Ты же саблю в море утопил, — посмеивался кот. — Попробуй клювом. Только учти: лапа у меня тяжёлая, а когти — длинные!

— Меня зовут Филипп. Капитан звал просто — Фил. — Воинственный пыл попугая куда-то исчез. — Гром и молния...

— Ну, вот что, Фил..., — кот говорил спокойно и дружелюбно. — Моё имя ты уже знаешь. Я — Том. Мы с тобой одни, тебя даже в стаю не принимают, а я тут вообще ничего не знаю. Мы с тобой — пираты, поэтому должны держаться вместе...

— Тысяча чертей! — воскликнул попугай. — В твоих словах есть доля истины, клянусь испанской инфантой¹³!

— Мы можем быть, если не друзьями, то хотя бы... напарниками. У тебя — крылья, у меня — клыки и когти. Да и веселее вместе! Будем держаться друг друга и спокойно дождёмся корабля. Сюда частенько заходят суда пополнить запасы воды. В том числе и пиратские. Если захочешь — можешь вернуться к прежней жизни...

— А ты?

---

¹³ принцесса

— А я ещё подумаю. Вдруг мне здесь понравится, так зачем опять что-то менять? Ну, так что, согласен быть моим напарником, Фил?

— Видно, ничего не поделаешь, — замылся попугай. — Вдвоём, действительно, веселее и сподручнее... К тому же мы — флибустьеры¹⁴, бывалые мореходы... Джентльмены удачи! Я согласен, Том, быть твоим напарником. По крайней мере, до появления в бухте ближайшего корабля! А там уж, посмотрим, возможно, наши пути разойдутся!

— Хорошо сказано, дружище Фил! Давай сюда свою..., своё крыло, мы обменяемся рукопожатиями, как у людей. И будем впредь придерживаться нашего соглашения — помогать и защищать друг друга!

— Клянусь тремя погибшими кораблями, твои слова пришлись мне по душе, дружище Том! А я тебя поначалу хотел разорвать! Но теперь я беру свои слова обратно, при условии, что и ты заберёшь свои!

— Конечно, забираю, — улыбнулся Том. — Я не хотел тебя обидеть, Фил.

---

¹⁴ морские разбойники XVII века, грабившие, главным образом, испанские корабли и колонии в Америке

Попугай подлетел к коту. Коснулся крылом его лапы и... союз был заключён!

— А теперь, — промолвил довольный кот, — я хотел бы узнать, не спасся ли кто-нибудь ещё с наших кораблей. Возможно, он лежит где-нибудь поблизости и нуждается в помощи...

— Отважная стая попугаев! — воскликнул Фил. — Облетите берег и ближайšie заросли, посмотрите, нет ли где-нибудь раненого моряка? Кто первый найдёт — тому от меня лично — золотой дублон!

Несколько птиц тут же сорвались с места. Впрочем, они не успели отлететь далеко.

— Есть! — раздались чьи-то голоса. — Совсем рядом! Лежит и не шевелится!

— Показывайте путь! — приказал Том. — Фил, помчались, поглядим, кого ещё прибило к нашему берегу. Возможно, он ещё жив!

— Гром и молния! Конечно, жив! На нашем острове только покойников не хватало!

И новоиспечённые друзья бросились в лесную чащу, ориентируясь на крики «отважных попугаев».

Чаща, впрочем, скоро закончилась, а начался песчаный берег. На берегу, укрытое куском паруса с обломком реи, лежало чьё-то большое, чёрное тело.

— Это собака! — быстро определил Фил. — Дьявол мне в глотку! Это же пёс испанца Саладо! Живой!

— Он не сильно ранен? — на всякий случай уточнил Том.

— Живой, как мы с тобой! Только очень уж плох!... Похоже, у него сломаны лапы...

Том подошёл к лежащему без движения псу, коснулся носом его морды.

— У него жар. Нужно принести воды...

— Эй, славная команда попугаев! — вновь отдал приказ Фил. — Видите, обломок кокосового ореха? Наберите в него воды из родника и доставьте сюда! С меня — ещё один золотой дублон! Клянусь баобабами Сахары!

Попугаи быстро справились с поставленной задачей. Осторожно держа в лапах половинку кокоса с родниковой водой (попугай помогал клювом), Том пододвинул эту «чашу» к морде лежащего пса и пролил несколько капель тому прямо в пасть. Пёс жадно задвигал губами и открыл глаза.

— Где я, дьявол вас побери? Кто вы?

— Такие же бедолаги, как и ты... Оказались на этом острове. Правда, спасшись от ужасного взрыва...

— Постой, ведь ты — кот капитана Грота?

— Том, к вашим услугам...

— Тысяча чертей! Мой капитан хотел доставить мне удовольствие порвать глотку твоему хозяину, затем сожрать тебя...

— Так твой хозяин — жирная, бородатая свинья Саладо?

— Не смей так говорить о моём господине!

— Твоего господина сейчас черти жарят в аду,
— ответил кот. — Если не хочешь отправиться к нему, слушайся нас с Филом. Кстати, Фил — личный попугай капитана Педана.

— Тоже бывший, — добавил попугай. — Все мы теперь бывшие...

— Англичанин и француз, — простонал Соло.
— Дайте мне прийти в себя, братцы, и я вас обоих сожру!

— Проклятье! Одна лапа у него действительно сломана, — заметил кот. — Есть ли в джунглях лечебные листья или травы?

— Конечно, есть, — ответил Фил. — Клянусь Гольфстримом, сейчас я распоряжусь, чтобы доставили...

— А я пойду на охоту. Я не боюсь, что нас с тобой сожрут, но этой громадине нужно раздобыть приличный кусок мяса... Для выздоровления...

— А ты уверен, что это... нам надо? — с сомнением произнёс Фил. — Обещал ведь сожрать, с него станется!

— Тысяча чертей! — ответил кот. — Хочешь ты этого или нет, дружище Фил, но нас уже трое! Если выходим пса, он нам ещё пригодится!

Глава 3. Союз крепчает

— Отважные попугаи! — Фил заботливо поправил кусок парусины, прикрывая им голову раненого пса, чтобы её не напекло палящим солнцем. — Найдётся ли в вашей стае мудрый попугай, сведущий во врачебном деле? Кто разбирается в лечебных травах и знает, какая трава снимает жар и боль, а какая безболезненно отправляет к праотцам? Клянусь шкурой аллигатора, я на это дело не пожалею... двух золотых дублонов из личных запасов!

— Есть такой! — чуть пошептавшись со своими собратьями, ответил один и попугаев. — Самый старый в нашей стае!

— Он настолько стар, что почти не летает! Сидит на ветке и спит...

— Если хочешь, мы проведём тебя к нему. Если ты ему понравишься, он поможет тебе...

— Хм, а если он мне не понравится, я скормлю его акулам!

— Не забудь поприветствовать старейшего и справиться о его здоровье, — увещевали Фила пёстрые птицы.

— И обязательно намекни на его большой клюв!

— А что, у него действительно большой клюв?

— Э, так... Ничего особенного... Но ему понравится...

— А как его зовут?

— А никто не знает...

— Помню, когда я был совсем маленький, его звали... Кривая Лапа...

— Но ты про лапы ничего такого не говори, лучше про клюв...

— Ладно, полетели к вашему старцу...

В тёмной прохладной чаще леса, на увитой лианами ветке сидел попугай. Был он довольно крупный, но, судя по поблекшей окраске, весьма стар. Так, некогда ярко-красное тело его стало каким-то серым, зелёная в молодости голова пожелтела, а длинные и красивые перья где-то потерялись. Глаза его были закрыты. Правда, один глаз попугай изредка открывал, обзирал пространство но, тихо вздохнув, закрывал опять.

По громким попугаичьим разговорам он знал, что в стаю проник чужак. А от чужаков добра не жди! Но тот, вроде, долго жил среди людей, так что, привести за собой другую стаю, которая выгонит их со своих насиженных мест, он не мог. Но и от людей старый попугай тоже добра не видел.

А на них уж он насмотрелся... Чужак словоохотлив, неглуп, и, похоже, безобиден. К тому же он — один.

Когти вонзились глубоко в ветку. Лапы крепко держали тело старого попугая. Левая лапа была несколько (совершенно незаметно) искривлена, поэтому он и получил имя Кривая Лапа много лет назад. Но теперь уже все попугаи в стае не только забыли о его имени, про него самого лишь изредка вспоминают... Да, изменились джунгли!... А вот, было время...

— Приветствуем тебя, наш старый брат! — О, пожаловали гости! Не забыли ещё Кривую Лапу! Не могут ещё обойтись без его знаний и опыта! О, никак и чужак с ними пожаловал?...

— Моё почтение, Великий Клюв! — подлетел поближе к старику Фил и сел на ближайшую ветку. — Надеюсь, ты здоров и разум твой не удручен унынием, а, напротив, полон мудрых размышлений и добрых воспоминаний...

Такого подхалимажа старый попугай никак не ожидал! Он прекрасно понимал, что незнакомец бессовестно льстит ему, но, ... уже знал, что теперь не в силах отказать чужаку ни в одной просьбе.

— С чем пожаловали, добрые попугаи? — спросил старец, надеясь, что его не заставят куда лететь. — Неужели полюбоваться на мой клюв?

— Он стоит того, чтобы им любовались, — продолжал чужак. — Но нас интересует вопрос, на который только ты знаешь ответ, мудрый Великий Клюв...

— Вообще, у меня другое имя, но это мне тоже подходит. Задавай свой вопрос, чужестранец.

— Я ищу траву, которая может облегчить боль нашему другу, тоже спасшемуся после страшного кораблекрушения. У него сломана лапа и два ребра. Ему очень плохо. К сожалению, я — плохой знаток лекарственных трав, поэтому прилетел к тебе за советом и помощью. За это я заплачу тебе целых два золотых дублона!

— Три! — тут же ответил Кривая Лапа. — Не два, а три дублона!

У Филя перехватило дыхание от неожиданности. «Вот уж действительно мудрец!» — мелькнула мысль у него.

— Ладно, полетели, — расправляя крылья, продолжил Кривая Лапа. — Здесь неподалёку есть одна полянка. Нарвёшь растений, на которые я укажу, а потом я скажу тебе, что с ними делать.

Внизу, недалеко от родника росли какие-то кусты с крупными, тёмно-зелёными мясистыми листьями.

— Срывай листья, — приказал Кривая Лапа. — Много не надо. Дашь их своему другу. Пусть пережёвывает, только не спеша. Пусть лежит

спокойно и потихоньку жуёт. Это снимет боль. А вот эта травка — он ткнул чуть в сторону, — не та, остролистая, а вот — с крупными листочками, её надо покрошить клювом и положить на больные места. Она способствует заживлению ран.

— Благодарю тебя, мудрейший Великий Клюв! Мерси боку!

— Не стоит благодарности, — ответил тот. — Трёх золотых дублонов больше чем достаточно.

Соло неподвижно лежал на берегу и слушал, как шумит море. Оно накатывало волну за волной и, словно приговаривало: «Соло»... «Соло». И пёс верил, что всё будет хорошо.

Вообще, он лежал ближе к лесу, чем к морю. До леса его, пёсских, прыжков и десяти не будет... Скоро солнце перевалит на запад и тогда тень от деревьев накроет его. Сразу станет легче. Бок нестерпимо болит, будто туда врезалось вражеское ядро. Лапа ноет. Но это когда она лежит без движения. Стоит только попытаться подвигать ею, острая боль пронзит всё тело... Но зато он жив.

Из леса тоже доносится шум. То птицы кричат, то обезьяны, то другое зверьё... Интересно, водятся ли тут крупные хищники? Островок-то небольшой. Если Соло не ошибается, его капитан как-то говорил, что этот клочок земли имеет в длину три мили, а в ширину — едва ли одну.

Достаточно ли для того, чтобы тут водились ягуары? Вряд ли... Карамба! А он — совершенно один. Его хозяин погиб, корабль и вся команда — тоже. Без людей, без хозяина пёс чувствовал себя одиноко и неуверенно. А тут ещё эти, англичанин и француз...! А он даже лапой пошевелить не может! Карамба! Тысяча чертей!

Раздалось хлопанье крыльев. Из леса возвращалась стая попугаев. Глупые, никчемные, хвастливые птицы! Соло дёрнулся и поморщился от боли... Проклятье!

— Эй, лежебока! Лекарство тебе принесли! — раздался голос попугая с французского корабля. — Открывай пошире пасть, сто чертей тебе в глотку!

Соло послушался и Фил зачихал ему в рот целебные листья.

— Жуй потихоньку. Чем дольше жуёшь — тем лучше. Они снимут боль. Это я тебе, как врач заявляю, клянусь трезубцем Нептуна! А это, — попугай разложил на парусине порезанные клювами птиц листья другого растения, — положим тебе на лапу и грудь. Туда, где больше всего болит!

— Зачем вы с котом меня лечите, мы же враги? — спросил Соло, послушно пережёвывая лекарство.

— Зачем-зачем... Чтобы выздоровел! — ответил Фил. — Выздоровеешь — продадим тебя в рабство!

— Меня? В рабство? Но кому?...

— Мало ли кому, — услышался голос Тома, вернувшегося с охоты. — Может, местным аборигенам. Если они тут водятся. Будешь, Соло, служить у них сторожевым псом. Если они тебя, конечно, не съедят, клянусь взорвавшимся «Тантенсьоном»!

— Только не надо мне напоминать про мой несчастный корабль!

— Прости, друг. — Кот подошёл к лежащему догу. — Прими от меня скромный подарок. Это твой ужин... Извини, кролика не поймал, а капибара для меня слишком велика. Так что, прими обычную кустарниковую крысу. — И положил перед псом пойманное животное.

Пёс брезгливо поморщился.

— Извини, марципанов ты не заказывал, а профитроли с бараниной — на соседнем острове. Бифштекс с кровью и трюфелями уже разобрали, а заливное из говяжьих языков под соусом бешамель подвезут только на днях. Так что, лопай, что есть, клянусь бивнями гиппопотама! Набирайся сил!

— Ты уж не привередничай, дружище Соло, — добавил Фил. — Мы тут сами не на камбузе

«Миньона». Вот поправишься, придёт какой-нибудь корабль и тебя снова примут в экипаж!

— Правда? Но вы же хотели меня продать в рабство?

— И продадим, — строго ответил кот. — Если будешь себя плохо вести!

— Чёрт возьми! Но я же — гордый испанец! Карамба!

— И испанцам нужно что-то кушать..., — заметил Том. — Я вижу, наш Фил уже раздобыл лекарство! Денёк-другой, и ты встанешь на ноги, дружище Соло, клянусь сковородками из преисподней!

— Не смейте называть меня «дружище»! Испания и Англия — враги! И с Францией — тем более!

— Это лекарство обошлось мне в три золотых дублона, — сказал Фил и вздохнул так, словно он уже заплатил их.

— Не знаю, как там Англия и Франция, а мы с Филом неплохо ладим, — ответил Том.

— У нас соглашение, — подтвердил попугай. — Оказывать друг другу помощь и поддержку. К тому же — вдвоём всегда веселее! Клянусь иглами дикобраза!

— Если хочешь, можешь и ты вступить в наш союз, — продолжал кот. — Трое на одном острове

— это уже сила! А придёт какой-нибудь корабль, вы с Филом можете найти на нём новых хозяев.

— А ты?

— А я ещё посмотрю. Мне и без хозяев неплохо...

Соло молча жевал лекарственные листья и косился на лежащую рядом крысу.

— Ну, даёшь согласие? Заметь, мы начали о тебе заботиться без всяких соглашений. Проявляя, так сказать, милосердие.

Пёс не отвечал. Кот поправил лекарственную траву у него на боку и лапе.

— Болит?

— Уже полегче... Гораздо легче. Спасибо вам...

— Значит, мы не враги? — спросил Фил, глядя на смутившегося пса.

— Нет, — ответил тот. — Клянусь зубами кашалота, вы для меня никогда не были и не будете врагами. Это я из вредности рычал на вас. И от тоски...

— Не надо тосковать, дружище Соло. Разве твой хозяин был такой уж добрый человек? Скольких подобных себе он отправил на тот свет? И всё из-за золота!

Дог задумался.

— По правде говоря, немало... Но он по-своему любил меня...

— Такие люди любят только деньги. А ты был нужен ему для того, чтобы скоротать время...

— Но должен же я кому-то служить? — чуть ли не вскричал пёс. — Можно, я буду служить вам?

— Успокойся, Соло, — Том аккуратно положил ему лапу на спину. — Если хочешь, можешь служить. Но было бы лучше, если было бы меньше «службы», а больше «дружбы»!

— Я постараюсь, — ответил пёс. — А вы не могли бы мне принести ещё водички? Наверное, не очень удобно таскать этот осколок кокосового ореха в зубах, при том, что влезает туда воды только на один глоток?

— Ничего, дружище Соло, — ответил Фил. — Я слетаю туда раз, два, три..., сколько потребуется. Главное, ты — выздоравливай скорее.

— Спасибо..., друзья мои.

Фил убедился, что стая попугаев уже покинула их, вздохнул, взялся клювом за «чашу» и полетел в лес.

Никто не заметил, что высоко в небе мелькнула чья-то тень.

— А ты-то как спасся, Том?

— И сам не знаю, — вздохнул кот. — Взрывная волна подхватила меня, упал в море, поплыл... Потом уже морская волна выбросила меня на берег...

— Я примерно так же, — промолвил пёс. — Только в воду упал не совсем удачно... А потом меня волна швырнула на камни... Как ты думаешь, Том, спасся ли ещё кто-то кроме нас?

— Вполне возможно. Мы ещё прочешем берег, если кого-то и выбросило море, то мы их отыщем. И, может быть, ещё живых... А вот и наш Фил тащит воду для тебя!

Попугай запыхался, неся воду, но приземлился аккуратно, кот подхватил «чашку» лапами, удерживая её. Вскоре драгоценная влага освежила пасть раненого пса.

— Если бы вы знали, какое это счастье — глоток воды! — воскликнул Соло.

— Надо будет ещё — слетаю, — гордо заявил попугай. — Только отдохну немного...

И вдруг огромная тень накрыла Филадельфию. Мохнатая, чёрная птица, ошетилившаяся перьями, упала сверху на бедного попугая и вонзила в него свои острые когти.

— Попался, — злорадно прошипела она.

Ещё миг и она взлетит с добычей в когтях! Но в воздух вдруг взмыла серая молния! Бросок был столь стремителен, что пернатый хищник не успел среагировать. Том, словно пушечное ядро, смёл напавшего на Филадельфию врага. Ворох чёрных перьев повис в воздухе.

— Мерзавец!... Мы ещё встретимся! — гортанно прокричала хищная птица и, взмахнув крыльями, поднялась над песчаным берегом. Кот проводил взглядом её полёт, пока она не скрылась за верхушками деревьев...

— Лети-лети, грязный комок с перьями. И держись от нас подальше. В следующий раз тебе так просто не удастся удрать! — сказал вслед хищнику Том, и принялся вылизывать шерсть. — Ты как, Фил? Ранен?

— Пустяки, — бодро ответил попугай. — Клянусь бородой орангутанга! Хотя, страху натерпелся... Однако ты, Том, настоящий герой!

— Да, — восхищённо заметил Соло. — Тысяча чертей! Такой бросок!...

— Вот, о чём я подумал, — невозмутимо ответил кот. — Нам, братцы, надо подумать о жилище. Там, где мы бы могли обитать все вместе, а не прятаться на ветках и под ними...

— Это здорово придумано, — одобрил Соло. — И удобнее, и безопаснее. Скоро, возможно, пойдут дожди, и тогда свой дом нам пригодится как нельзя лучше! Только где его раздобыть?

— Нет ничего проще, клянусь огнём преисподней! — ответил Фил. — Отыщем пещерку, обустроим её...

Никто из спасшихся мореходов не видел и не чувствовал, что из лесной чащи за ними наблюдают

чьи-то злобные, полные холодной ненависти и голодной страсти, глаза...

Глава 4. Хижина «Три морехода»

— Проклятье! Клянусь стайей белых акул, этот попугаичий крик меня доконает! — пожаловался Том Филу. — Орут с утра до ночи!

— А что поделаться, дружище? — ответил французский мореход. — Эти птицы не умеют молчать.

— И о чём же они кричат? Я так ни слова не разобрал...

— Большинство криков, конечно, никчемные, ссоры из-за еды и места на ветках... Но, есть и предостерегающие крики — приближается гроза! А вместе с нею — тропический ливень!

— Вот и я почувствовал, что влажность повысилась. Даже усы слипаются.

— Скоро грохнет, клянусь «Непобедимой армадой»! Скоро польёт, — отчего-то предвкушал радость попугай.

— Кстати, об испанцах... Надо бы пса с берега убирать... Не приведи господь, молния ударит... Да и намокнет, бедняга...

— А куда убирать? Вот найдём подходящую пещерку и перетащим в неё пса...

— «Перетащим!»! Чтоб его сдвинуть с места одних нас с тобой явно не хватит!

— Да, — попугай смутился, но ненадолго. — Ему уже легче. На трёх лапах доковыляет!

Том задумался. На крайний случай, Соло действительно сможет попробовать встать на лапы. Лекарственные растения, которые раздобыл вездесущий Фил, подействовали на пса просто превосходно. Вот только с жилищем пока не везло. Вообще, пещер в каменистой гряде было достаточно, но не все они подходили мореходам. В одних был слишком узкий лаз, пёс бы не пролез, в других — слишком тесно. Некоторые из убежищ облюбовали другие обитатели, которых так просто и не выгонишь: где-то сидели ядовитые лягушки, где-то — весьма вспыльчивый дикобраз. А из одной раздалось такое грозное шипение, что Фил с Томом бросились наутёк, не дожидаясь нападения. К тому же, хотелось, чтобы поблизости был ручей, и не было неприятного соседства...

Воздух был перенасыщен влагой. Дышать было тяжело. Том устал отмахиваться от насекомых, так и лезущих в нос и глаза. Всё вокруг словно застыло на месте. Если бы не лёгкие дуновения со стороны моря, то было бы совсем худо.

— Все лапы истоптал! — проворчал Том.

— Все крылья отмахал, — вторил ему Фил.

В небе начали сгущаться тучи.

Наконец, они наткнулись на пещеру, подходящую им по размерам. Если немного подвинуть камень, то вход в неё был бы вполне подходящ и для огромного дога. Внутри было сухо и пусто.

— Приличная каютка, клянусь внутренностями кашалота! — воскликнул Фил.

Внутри было прохладно. Том обнюхал каждый угол и тоже остался доволен.

— Якорь мне в глотку, лучшего места для проживания и не найти! — провозгласил кот. — Здесь нам никакой ливень не страшен!

— Здесь мы поместимся все вместе и, если случится, сможем отбить любую атаку!

— Тут места ещё на одного Соло хватит... Кстати, надо бы назвать как-нибудь наш кубрик! — предложил Том. — Или, раз мы на суше, то — домик!

— Это хорошая идея, клянусь потрохами мурены! Предлагаю назвать её... хижиной мореходов!

— Трёх мореходов! — добавил Том.

— «Хижина трёх мореходов»! Клянусь стадом антилоп гну, это отличное название! Поспешим же к нашему бездомному псу и приведём его на новое место жительства!

— Да, — согласился с ним Том. — Хорошо бы успеть до начала ливня, а то нам мало не покажется!

Пёс лежал на прежнем месте и беспокойно выглядывал из-под парусины. Видимо, тоже чувствовал приближение грозы.

— Здравствуй, дружище Соло! — весело поприветствовали его Том и Фил.

— И вам привет, отважные покорители морских просторов, — вежливо ответил пёс.

— Спешим тебя обрадовать! У нас теперь есть свой дом! — заявил попугай. — Отличный дом под названием «Хижина трёх мореходов»! Вставай, собирайся, пойдём прямо туда! А не то сейчас начнётся тропический ливень, и кто знает, во что превратится этот берег через каких-нибудь пару часов.

— Ты думаешь, я смогу идти? — с сомнением переспросил Соло.

— А ты попробуй, — ответил Том. — Другого выхода нет. Мы тебя никак не дотащим!

— Сейчас, — ответил дог. — Я попробую. — Он пошевелился, зажмурился. Было видно, что рёбра у него всё-таки болят.

— А ну, — сам себе сказал Соло, — подъём! — и быстро, хотя и неловко, поднялся на три лапы. Четвёртую он держал на весу.

— Вот видишь, у тебя получилось! — воскликнул Фил. — Теперь попробуй пройтись!

Пёс сделал несколько неверных шагов.

— Вот и хорошо, — обрадовались кот с попугаем.

Том, посмотрев на пса, отметил про себя, что Соло всё-таки громадина. Но в хижину должен пролезть.

Пёс довольно завилял обрубок хвоста.

— Это вы мне помогли, мои друзья, — широко улыбнулся пёс. — Показывайте, куда идти.

— За нами, — скомандовал кот и последовал к лесу.

— Подождите чуточку, — Соло схватил зубами кусок парусины, которая прикрывала его тело от солнца, и оторвал от обломка реи приличный её кусок. — Это я возьму с собой.

— Зачем? — поинтересовался Фил.

— Это будет моя подстилка! Я уже привык к ней.

— Клянусь акульими зубами, это правильно, — отметил Том. — Хороший хозяин всё в дом тащит, а не наоборот!

Первые капли ливня упали тогда, когда они подошли к своей «хижине». Пёс довольно бодро прошёл весь путь, хотя, конечно, прихрамывал.

— Вот она, наша «Хижина трёх мореходов»! — воскликнул Фил, залетая внутрь.

— Отличный дом! — одобрил Соло, протискиваясь в неширокий проход. Лапой он отодвинул мешающий камень. Третьим прыгнул Том.

И тут началось!

Поднялся ветер. Зашумели ветви деревьев, с них посыпались листья. Тревожно закричали попугаи.

Первые тяжёлые капли быстро превратились в настоящие струи. Потоки воды с шумом ринулись вниз. Одновременно ослепительно вспыхнула молния, и раздался такой раскат грома, от которого заложило уши.

— Вот это да, — хмыкнул Фил. — Напоминает залп с правого борта «Миньона»!

Струи воды зашумели о каменистое подножье гряды, в которой мореходы устроили свою хижину. Вскоре лесные тропинки превратились в потоки мутной воды, по которым неслись листья и ветки. Протекающий неподалёку ручей быстро превратился в бурную реку. Отсюда он не был виден, но шум его вод явственно доносился до «Хижины трёх мореходов».

— Нас не затопит? — Кот выглянул наружу. — Нет, дверной проём поднят над землёй на приличную высоту.

— Пусть льёт, довольно усмехнулся Фил. — Люблю наблюдать за грозой, находясь в надёжном укрытии!

— Гром и молния! Друзья мои, клянусь стаей летучих рыб, как хорошо, что вы нашли такой превосходный дом! А то лежать бы мне сейчас под ливнем..., — произнёс Соло.

Новый раскат грома, казалось, потряс стены жилища.

— Да, в лесу сейчас несладко, — пробормотал попугай. — Птицы сидят под широкими листьями, с которых стекает вода, жмутся друг к другу... Так и все зверьки, которые переживают непогоду... И у которых нет своей норы...

— Ну, у нас, слава богу, своя нора есть, — усмехнулся кот.

Новый отблеск молнии отразился в его глазах, которые вспыхнули ярким светом. Снова оглушительно гроыхнуло, и с неба с новой силой хлынули потоки воды.

Струи свежего воздуха принесли в «Хижину трёх мореходов» долгожданную прохладу.

Примерно через час гроза начала затихать.

— А ты, дружище Фил, — спросил Соло, — как оказался на острове? Как спасся? При том взрыве, что произошёл, от тебя и пёрышка бы не осталось!

— Меня ещё до взрыва капитан Педан отправил на остров. Подкинул в воздух и сказал: «Лети, доблестный Фил, на остров! Посмотри там, что к чему, разведай... Возьми с собой свою острую саблю. А если появится недруг — уничтожь!» Гром и молния! Я взлетел и меня тут же увлёк поток воздуха. Покидало-пошвыряло над морем, да и закинуло на остров. Отдышался только тогда, когда очутился в лесной чаще, где уселся на ветку...

— Вот видите, братцы, мы, все трое, спаслись каким-то чудом...

Мореходы согласились с тем, что в их спасении сыграло свою роль Провидение, и в том, что они спаслись, есть какой-то великий смысл, но какой именно, им пока невдомёк.

— Ладно, поживём-увидим, клянусь всеми молниями Зевса!

Том прилёг возле Соло, прислонившись к его сломанному рёбрам. «Я, — сказал, — лечебный кот. Заберу у тебя боль, вот увидишь, тебе легче станет». Так и заснули. Фил тоже задремал, изредка поглядывая наружу. Ливень уже стих, но дождь ещё продолжался. А день подходил к концу. Ещё чуть-чуть и совсем стемнеет.

Когда проснулись, дождя уже не было. Лесные тропы высохли, о бывшем потоке напоминали только лужи. Из леса доносились

птичьи голоса — кто-то готовился ко сну, кто-то — к предстоящей охоте.

Соло привстал, понюхал лесной воздух.

— Клянусь всеми парусами «Тангенсьона», сколько же там разного зверья..., — произнёс пёс. Затем вышел из убежища и сделал несколько глотков из лужи.

— Я как раз собрался на охоту, — заявил Том. — Если хочешь, пошли со мной! Съедем пару птичек — никто в джунглях и не заметит.

— Карамба! Какой из меня охотник, — начал отнекиваться Соло. — Еле хожу на трёх лапах...

— Ничего, охотиться буду я, а ты только постоишь в сторонке, подежуришь. Вдруг мне повезёт завалить индейку? Думаешь, я её сюда допру?

— Индейку? — Соло почувствовал, что он страшно голоден. — Жирную?

— Упитанную.

— Тысяча чертей! Ну что ж, пойдём... Заодно я посмотрю, какой из тебя охотник, англичанин.

— Пошли, может, научишься чему-нибудь... Фил, ты остаёшься дома?

— Да, уже темно. Мы, попугаи, не ночные птицы... Спать, клянусь акульими потроха...хр-р-р-р...

Том и Соло осторожно, стараясь не разбудить друга, вышли наружу и направились в лес.

Первым шёл кот, который прекрасно видел в темноте. За ним следовал пёс, он ориентировался больше по запаху.

Лес и ночью продолжал жить своей жизнью. Проснулись ночные твари, началась охота на земле, под землёй, на ветвях деревьев... Том бесшумно ступал своими мягкими лапами. Огромной тенью за ним следовал дог. Мало ли кто может напасть на маленького кота, думал Соло. А с мускулистым псом, размером с телёнка, здесь никто не решится «скрестить шпаги». И кто знает, что он ранен и передвигается с трудом? Вдруг кот остановился. «Дальше я сам» — шепнул он Соло и начал красться вперёд. Пёс уселся и принюхался. По его мнению, там, впереди сидело что-то чрезвычайно вкусное... Ну, пусть Том покажет своё мастерство...

Где-то копошились агути, вот над головой мелькнуло тело белки-летяги, справа запищал чей-то детёныш.

Том исчез из виду, только по его запаху Соло знал, что кот где-то поблизости.

А тот заметил крупную птицу, которая беспечно разгуливала на небольшой полянке. В нём сразу проснулись охотничьи инстинкты, он припал к земле и бесшумно пополз к предполагаемой добыче. Соло присел и зевнул. Ему нравилось в тёмном лесу, который, несмотря на то, что

близилась ночь, по-прежнему жил своей бурной жизнью.

Том приближался к фазану. Тот никакой опасности не чуял, а то бы уже умчался куда-нибудь в чащу, а там, попробуй, достань его... Коты, они умеют терпеливо выслеживать и стремительно атаковать. Но для того, чтобы атака была удачной, нужно приблизиться к выбранной жертве как можно ближе.

Соло в очередной раз поражался количеству живущих в тропическом лесу существ. Из каждого уголка джунглей слышался чей-то, если не голос, то шорох; со всех сторон доносились поскрипывания, попискивания, потрескивания и иные звуки, изобличающие наличие живых тварей.

Кот совершил бросок — быстрый и точный. Он вцепился фазану прямо в шею. Крупная птица была повержена.

— Соло, — промолвил Том, облизываясь. — Иди сюда, вот тебе добыча, принимай!

Пёс подошёл. По запаху он сразу определил, что перед ним — свежая дичь. Слюни потекли из пасти дога.

— Ты просто умница, Том, клянусь осьминогами с рифа Зубы Дракона!

— Расправляйся, — посоветовал кот. — Только вместе с перьями не съешь.

— А ты?

— А я пойду, присмотрю себе что-нибудь. Сегодня удачный день. А поблизости я почуял агути.

— Агути? А что это такое?

— Это такая лесная крыса. Я тебе её приносил. Надеюсь, тебе понравилось...

— С вами чего только не научишься есть... И на крыс перейдёшь, — ответил Соло, с нескрываемым удовольствием поедая мясо фазана. — Хотя, живём в дикой природе, надо соответствовать, клянусь парусами «Тантенсона»!

Тому удалось поймать агути и вскоре они с Соло отправились домой. Да, у них теперь был свой дом — просторное, сухое и надёжное убежище — «Хижина трёх мореходов», в котором их ожидал, находясь в состоянии второго или третьего сна, их верный друг попугай Фил.

Они шли не спеша, тихонько переговариваясь друг с другом. Соло опасался наступать на четвёртую лапу, но знал, что ещё немного — и он сможет бегать в полную силу и приносить пользу своим собратьям-мореходам.

— Когда выздоровеешь полностью, — пообещал Том, — пойдём охотиться на капибару!

— Капибару? А это что за зверь? Тоже крыса?

— Нет, это водосвинка. Поросяенок такой, который любит воду...

— Свинина? Это хорошо! — улыбнулся пёс и повторил: — Чего с вами не научишься есть...

Они не почуяли, что за ними кто-то двигается, отслеживая каждый их шаг. Безжалостный взгляд приговорил обоих к смерти, всё дело — во времени. Неведомому врагу оставалось лишь выбрать подходящий момент.

Глава 5. Прогулка к морю

— Вставай, подымайся! — закричал проснувшийся попугай. — Солнышко светит в наше жилище! Пора завтракать, я улетаю! Свистать всех наверх! — Фил распушил перья, в лучах утреннего солнца, проникшего в «Хижину трёх мореходов», его яркая красно-жёлто-зелёная окраска заиграла новыми оттенками.

— Карамба! Я только что уснул! — проворчал Соло, открывая глаза.

— Вы превращаетесь в сухопутных крыс! Вам только бы спать! — не унимался Фил. — А я улетаю! Мне необходимо что-нибудь перекусить!

Попугай рассказывал друзьям, что в местном лесу во множестве растут деревья, высотой больше самой высокой мачты («до верхушки и не

долетишь!») с раскидистой кроной¹⁵. У этого дерева имеются плоды, по виду напоминающие грушу, они содержат большое количество семян, похожих на горох или фасоль кофейного цвета. И птицы, и обезьяны с удовольствием лакомятся этими плодами.

— Сейчас мы тоже выйдем и поищем какую-нибудь дичь, — ответил кот. — А ты в это время подкрепишься. Кстати, не гоняют ли тебя местные попугаи?

— Куда там, — заносчиво ответил Фил. — Зауважали меня. Клянусь берлогой полярного медведя! К тому же я каждому из них постоянно обещаю по золотому дублону!

— А когда отдавать будешь? — осведомился Том.

— Когда-когда... Гром и молния! А я откуда знаю? Да у меня и нет ни одного! Попугаям главное — чтобы им что-нибудь пообещали! Они этим и остаются довольны. А то, что обещанного мои сородичи не дождутся, об этом они не думают!

— Вот как... Наш Фил кого хочешь обдурит! — усмехнулся Соло. — Даже своих сородичей.

---

¹⁵ сейба до 50 метров